

ТАК КАЯЛСЯ ЛИ ЕПИСКОП БОРИС?

В сентябре 1922 года проходил в Перми открытый судебный процесс над священником-миссионером отцом Василием Морозовым, который обвинялся в контрреволюционной деятельности во время власти Колчака. В ходе следствия выяснилось, что Морозов играл второстепенную роль, а всем руководил Епископ Борис. Чтобы придать делу больший политический резонанс, пермские чекисты запросили 2 октября 1922 года Москву об аресте Уфимского епископа Бориса и препровождение его в Пермь для дознания. 17 октября разрешение было получено и пермские чекисты шлют своим коллегам в Уфу телеграмму, в которой требуют ареста епископа Бориса. Башкирские товарищи оперативно выполнили просьбу пермяков, арестовав епископа 19 октября 1922 г.

**Архиепископ Борис (в миру — Владимир Павлович Шипулин)
епископ Русской Церкви, архиепископ Ташкентский**

И вот 28 октября епископ Борис, в миру Владимир Павлович Шипулин, снова в Перми, но уже не во главе пермского духовенства, а заключенный исправительного дома №3. Но пермские чекисты явно поспешили с арестом, т.к. у них не было свидетельских показаний.

4 ноября епископ Борис требует предъявить ему обвинение. А чекистам ничего было предъявить епископу. Единственной уликой против Шипулина – это его речь при встрече адмирала Колчака 19 февраля 1919 года в Кафедральном соборе, опубликованная в пермских газетах «Освобождение России» и «Епархиальные ведомости». Вот эта речь.

«Ваше Высокопревосходительство, Верховный вождь и Правитель возрождающейся Родины нашей – Руси православной!

От своего имени, от лица духовенства и православных людей г. Перми позвольте приветствовать Ваше прибытие в наш многострадальный град; - позвольте выразить Вам

чувства самой беспредельной любви и благодарности за освобождение наше от того кошмарного ужаса, который почти целый год давил и душил нас. Леденела кровь в жилах, и, как раскаленные стрелы, вонзались в сердце вопросы: неужели окончательно пал могучий дух русский, неужели не найдется людей, которые готовы бы были душу свою положить за Родину Мать, - терзаемую острым клювом большевизма? Удушливыми газами окутывалось сознание, бесцельными казались наши муки за распинаемую и терзаемую православную русскую душу. Хотелось до боли кричать: проснитесь богатыри духа, встаньте, идите спасать наш национальный облик, сотрите с него наносную грязь интернационала.

Но что это? Как раскаты далекого грома в весеннюю грозу, доносятся до нас вести о том, что не перевелись еще русские богатыри, что там, в далекой Сибири, куется из разбитых осколков новая сила новой Руси. И надеждой окрыляемся мы, мы ждем, мы верим, что освобождение близко, что и для нас придет свет с востока. С горных вершин седого Урала спустились к нам, как орлы боевые, воины Ваши. Это Вы, Ваше Высокопревосходительство, кликнули клич о спасении градов и весей родины нашей. Это Вы, - первый, отбросив прочь нашу партийную рознь, которая, как гангрена разъедала организм народный, возвестили, что честь Родины выше всего, - и благо Родины – самое высшее благо. И вот, благодаря Вам, пробуждается русское сознание, крепнут и узы, связывающие Русь в единое целое, и снова мы – русские люди – начинаем чувствовать себя русскими людьми. Так как же нам не приветствовать Вас и не благодарить Вас особенно нам, православным людям. Ведь была объявлена война самому имени Бога, Христова вера – признана была опиумом народа. Служителей алтаря Господня мучили в тюрьмах, расстреливали, топили в воде, живыми закапывали в землю. Идеалы вечной правды Христовой подвергались осмеянию, поруганию, осквернению. Многие священнослужители нашей епархии, во главе с приснопамятными архипастырями, кровью и мученической кончиною запечатлели свою веру в Христа. А Вы, когда встали во главе Родины нашей, Вы первый в эти години лихолетья указали, что только с помощью Бога возможно возрождение Руси и воскресения ее былого величия.

Вы, как верный сын Церкви, взяли на себя тяжелый и ответственный крест служения Родине в годину лихолетья и несете этот крест по настоящее время.

Приветствую Вас, мы молим Господа Бога, да укрепит Он Вас молитвами Пресвятой Богородицы и Покровителя Пермской земли Святителя Стефана. Да укрепит Он, всемогущий, могущество вашей силы к возрождению Руси на основах православия и народности, как исторических устоях нашей русской жизни.

В знак молитвенного нашего с Вами общения и в молитвенную память о вас позвольте поднести Вам, Ваше превосходительство, по русскому обычаю, кроме хлеб-соли, Святую икону Великого Угодника Божия Николая Чудотворца, покровителя плавающих и путешествующих. Образ этот, не блещущий богатством украшений, представляет точный снимок с чудотворного лика на Никольских воротах Священного кремля, который сохранился невредимым в великую Отечественную войну 1812 года, но который не пощадила рука вредителей Родины.

Да будет этот образ Вашим защитником и покровителем и в Ваших ратных подвигах и в Ваших делах государственного строительства».

С последними словами епископ благословил Верховного Правителя Святой иконой».¹

Следует отметить, что епископ прибыл в г. Пермь лишь 15 февраля, но уже был в курсе всего происшедшего в епархии и в короткий срок сумевший найти вдохновенные слова в своей речи.

Итак, на основании этой речи и показаниях священника Морозова строился этот громкий процесс.

Епископ Борис требует, чтобы ему предъявили обвинение. И только 1 декабря 1922 года его вызывают на допрос для дачи показаний. На все поставленные вопросы он

дает подробные ответы. Следователи не стали затягивать следствие и в январе 1923 года выдвинули обвинение из 4-х пунктов, а именно:

1. Произнесение контрреволюционной речи в Кафедральном соборе во время пребывания там адмирала Колчака;
2. Вел агитацию и лично жертвовал на Народную армию Колчака, в целях ее укрепления;
3. Организовывал «Вечера скорби», по павшим от рук большевиков;
4. Принимал непосредственное участие в организации «комиссии по выявлению преступлений большевиков».

Процесс начался 17 января 1923 года в 12 часов в переполненном публикой городском театре. Председателем Губернского революционного трибунала был Падучев Г. Л., а членами: Юдников и Яшак. Общественными обвинителями выступали: прокурор : Иванов и его помощник Волович. Защищали епископа Бориса члены коллегии защитников Н.А. Новоселов и Корелин. Для дачи свидетельских показаний были вызваны: протоиереи Турбин и Шестаков, священники Мультаковский и Посохин, граждане: Человечков, Бояршинов и Зеленов.²

Главный свидетель отец Василий Морозов, на показаниях которого строилось обвинение, находящийся в исправительном доме №2, не явился, т.к. был больной.

После оглашения обвинения, начался опрос свидетелей, которые в своих показаниях старались не давать прямых ответов на поставленные вопросы, а в большинстве случаев, говорили, что не помнят этого момента или их там не было. Единственно, что они подтверждали, так это речь в Кафедральном соборе, так епископ Борис приказал тогда явиться всему духовенству на встречу с Колчаком. Суд не смутил данный ход дела. Общественный обвинитель Иванов обосновал все четыре пункта обвинения и потребовал приговорить епископа Бориса к высшей мере наказания. Как полагается дали последнее слово епископу Борису, тогда еще это было в практике.

«Мне предъявляют обвинения, не доказанные свидетельскими показаниями. Обвинитель с негодованием обращается ко мне. Видит во мне врага. Ярого врага, который устроил тысячи смертей, что не смывается даже кровь с моих рук. Он просит крови – крови за мои ошибки. И он сердится, гневается. А я скажу: «Ты сердисься – значит, ты не прав». Я спокойно гляжу и спокойно ожидаю, какова бы не была моя участь. Спокойствие мне дает совесть. Обвинение мое взято из предвзятой той мысли, что я агент, ставленник Высшего церковного управления, состоящих из лиц преданных Колчаку. Нет, я не ставленник, я не человек с сильной волей. У меня во всем дырки, начиная с головы, я случайный архиерей и не имел никаких полномочий от колчаковского правительства. Как, человек, сочувствующий советской власти, мог служить Колчаку? Я не мог отказаться, не мог уйти, чтоб сбросить рясу. Монашество – это дисциплина, делай что нужно. Я должен был, обязан был работать.

Многие плачут, что из церквей изъяты ценности. Я же с покорным сознанием покорился, зная, что лучше не дать умереть людям с голоду, чем религиозного действия на серебре и золоте. Теперь нас духовенство уже нельзя упрекнуть, что мы храним золото, да мы хранили его 1000 лет, а когда понадобилось, отдали государству. Советская власть с течением исправляет свои ошибки, которых было много. Чем далее идет по пути их совершенствования, тем более она крепнет.

Тоже может случится и с таким стариком как я. Я был черный по духу времени, а потом познал советскую власть. За 4-е года я убедился в ней и моя вера в нее окрепла, что она для блага народа

Много, много было пролито крови от деятельности колчаковцев. Я корчился, скорбел, но война есть война. Не будем и мы брать с них пример, не нужно и нам проливать кровь.

Не надо крови, ведь власть крепнет сознанием своей правоты. У нас на всех фронтах победы, победы не силой, а сожалением. Все устали, смирились ... Конечно

были и неудачи и власть не старалась их скрывать. Не тот начальник хорош, который скрывает ошибки, а который открыто в них сознается.

Я поставил себе цель работать в контакте с советской властью. Это уже шаг вперед для нас. Я должен ей подчиниться.

При встрече Колчака речь мной была сказана сгоряча, с историческими присказками, которые влияли на смысл речи. В Уфе власть меня оценила и мне доверила работу для голодающих.

Вся моя деятельность при Колчаке жертв не имела. Я не скажу как Морозов, что руки мои чисты, но скажу, что я человек – я подчиняюсь власти».³

Суд приговорил подсудимого по совокупности к 7 годам лишения свободы со строгой изоляцией, но в силу амнистий, и то, что подсудимый признал свою вину и раскаялся, признав Советскую власть, срок наказания сократили до 2-х лет.⁴

Следует отметить, что в деле подшито прошение 22-х прихожан из Уфимской губернии о смягчении (снисхождении) наказания епископу Борису, под которым стоят 534 подписи прихожан. Повлияло ли прошение на срок приговора неизвестно.

Процесс закончился 19 января 1923 года в 7 часов 30 минут.

Борис епископ Пермский и Кунгурский; в миру Шипулин Борис Павлович. Родился в декабре 1875 года в семье крестьянина в Вологодской губернии, Вельского уезда, д. Болотово. После окончания школы поступил в Вологодскую духовную семинарию, которую успешно закончил.

В 1900 году закончил курс московской Духовной академии со степенью кандидата богословия и в том же году был назначен на должность помощника инспектора той же академии.

В 1901 году пострижен в монашество и рукоположен в иеромонаха, в следующем году назначен инспектором Курской духовной семинарии, откуда в 1905 году перемещен на должность синодального ризничьего. В 1909 году перемещен на должность ректора Московской духовной семинарии.

В 1912 году о. архимандрит Борис был назначен епископом винницким викарием Подольской епархии.

12 февраля 1915 года преосвященный Борис был перемещен на кафедру епископа чебоксарского, викарии Казанской епархии.

В 1918 году он уже архиепископ Чебоксарский. Летом того же года поехал по делам в Лаишев и Чистополь, где его застало известие, что чехи заняли Казань. Шипулин поехал сначала в Омск, а затем в Томск, где ему предложили ехать в Иркутск на похороны епископа. Затем был назначен в Пермь Епископом Пермским и Соликамским, куда прибыл 15 февраля 1919 года. После занятия Красной армией г. Перми до октября 1919 года работал в различных городах Сибири, а с ноября 1919 года в г. Иркутске. В октябре 1921 года назначен патриархом в г. Читту, а потом в декабре этого же года переведен в Уфу. 19 октября 1922 года арестован в г. Уфе и доставлен в Пермь.

18-19 января 1923 году судим в Перми, где ему припомнили встречу адмирала Колчака, «морально и материально поддерживал правительство Верховного правителя», за что получил два года, но уже к концу 1923 года был освобожден.

В 1924-1927 гг. отбывал ссылку в Харькове. В октябре 1927 года вновь арестован. Отбывал заключение в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН), потом ссылку в г. Муроме Горьковского края.

В июле 1937 г. опять был арестован за создание "контрреволюционной церковно-монашеской организации", ставившей своей целью активную борьбу с советской властью, свержение существующего строя и возврат к капитализму. Владыка Борис был приговорен ОСО (особым совещанием) к расстрелу, место его захоронения – г. Ташкент.

Приезд в Пермь – 17.02.1919. ОР.

¹ Освобождение России (Пермь). – 1919. – 20 февраля.

² Звезда (Пермь). – 1923. – 19 января.

³ ГАПК Ф. Р-49. Оп.3. Д.453. Л. 237 об.238.

⁴ ГАПК Ф. Р-49. Оп.3. Д.453. Л.208, 232.